

КЛЭР ЛЕГРАН

ДИТЯ
ЯРОСТИ

ОДНА КОРОЛЕВА МОЖЕТ СПАСТИ ЭТОТ МИР.
ДРУГАЯ — УНИЧТОЖИТЬ ЕГО

Клэр Легран

Дитя ярости

Серия «Mainstream. Фэнтези»

Издательский текст

<https://litres.ru/62788443>

Дитя ярости: Издательство АСТ; М.; 2020

ISBN 978-5-17-115677-0

Аннотация

<p>Когда группа ассасинов устраивает засаду на своего лучшего друга, возлюбленного Риэль, смелая девушка рискует всем, чтобы вызволить его из беды. Теперь Риэль придется пройти через семь магических испытаний. Если она выдержит, станет Солнечной Королевой, а если потерпит неудачу – будет объявлена Кровавой Королевой и казнена.</p> <p>Спустя почти тысячу лет после этих событий в мире, где все королевства, за исключением Аставара, пали под натиском Бессмертной Империи, магия исчезла, а храмы святых разрушены, охотница за головами Элиана вынуждена убивать по приказу имперских властей. Элиана верит, что она неприкосновенна, – пока не исчезает ее мать. Чтобы найти ее, Элиана объединяется с мятежниками и вскоре обнаруживает, что зло, таящееся в сердце Империи, страшнее, чем она могла себе представить.</p>

Содержание

Пролог	5
Глава 1	26
Глава 2	45
Глава 3	68
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Клэр Легран

Дитя ярости

*Посвящается Бриттани, которая узнала о
Селдариш первой*

Claire Legrand
FURYBORN

Originally published in the United States by Sourcebooks Fire,
an imprint of Sourcebooks, Inc.
www.sourcebooks.com.

Copyright © 2018 by Claire Legrand
© Е. Кузнецова, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

Конец и начало

«Говорят, что Королева была охвачена страхом в свои последние минуты.

Но мне хочется думать, что она пылала яростью».

Слово Пророка

Королева перестала кричать только после полуночи.

Саймон прятался в гардеробной, заткнув пальцами уши, чтобы не слышать этих звуков. Долгие часы он, скрючившись, сидел там, прижав колени к груди и спрятав в них голову.

Стены королевских покоев сотрясались от ее отчаянных криков.

А потом наступила тишина. Саймон, затаив дыхание, принался считать секунды, как считают после удара молнии в ожидании раскатов грома, пытаясь определить, стихает ли гроза или подходит все ближе.

Один. Два. Три.

Досчитав до двадцати, мальчик, наконец, решился отнять руки от ушей.

В мертвой тишине раздался пронзительный крик ребенка. Саймон улыбнулся и с трудом поднялся на ноги. Его за-

хлестнула волна облегчения.

Свершилось – ребенок королевы появился на свет. Теперь Саймон с отцом могут бежать из города и больше никогда не вспоминать о прошлом.

Мальчик пробрался сквозь пышные юбки королевских платьев и, спотыкаясь, вывалился в королевскую опочивальню.

– Отец? – позвал он, едва дыша.

Гарвер Рэнделл, отец Саймона, повернулся к нему. Несмотря на усталый вид, на лице его сияла довольная улыбка. За его спиной на кровати лежала королева Риэль. Спутанные темные волосы прилипли к ее бледной коже, простыни и белая ночная рубашка были покрыты пятнами крови. В руках она держала шевелящийся сверток.

Исполненный любопытства, Саймон осторожно приблизился к кровати, хотя от одного вида королевы в груди у него вскипал гнев. Новорожденная принцесса была таким трогательным крошечным созданием, со сморщенным красным личиком, с кожей чуть более смуглой, чем у матери, большими карими глазами и прядками влажных черных волос.

У Саймона перехватило дыхание.

Малышка была так похожа на своего покойного отца.

Риэль посмотрела на младенца, а затем перевела недоумевающий взгляд на отца Саймона.

– Я думала, что она не выживет. – Королева рассмеялась, вытирая лицо трясущимися пальцами. – Мне приснилась ее

смерть. Но вот она живая перед нами. – Она повернулась, чтобы удобнее устроить на руках малышку. Было заметно, что держать ребенка ей в новинку.

Было очень странно видеть королеву такой уязвимой – она лежала на груди подушек и казалась маленькой и хрупкой, как девочка, хотя ей уже исполнилось двадцать лет. Королеву, которая заключила предательский союз с ангелами и помогла им убить тысячи людей.

Королеву, погубившую собственного мужа.

– Одрик полюбил бы ее, – прошептала Риэль, и лицо ее болезненно скривилось.

Саймон гневно сжал маленькие кулачки, прижав их к бокам. Как смеет она произносить имя короля Одрика? Ведь это она убила его.

Мальчику не многое удалось узнать о событиях той ночи, когда пала столица.

Король Одрик сражался с королевой Риэль на широкой террасе, опоясывающей четвертый этаж замка. Меч короля полыхал солнечным светом, его доспехи, усеянные бриллиантами и кусочками зеркал, сверкали ярче, чем звезды.

Но даже король Одрик Светоносный, самый могущественный из солнечных магов за многие сотни лет, не обладал достаточной силой, чтобы одолеть королеву Риэль.

Королева сотворила меч из воздуха, ослепительное оружие, сотканное из первоосновы бытия – эмпириума. Риэль и Одрик скрестили клинки, но схватка было недолгой.

И когда Риэль запустила светящуюся руку в грудь Одрика, чтобы вырвать его сердце, в ее глазах была лишь жажда крови, она хладнокровно наблюдала, как ее супруг обратился в кучку пепла у ее ног.

Саймон не отличался жестоким нравом, но в тот момент почувствовал, что, если его взгляд задержится на королеве еще хоть на секунду, он не выдержит и ударит ее.

Поэтому он произнес молитву Солнечной Королеве, чтобы почтить короля Одрика, – *Пусть свет Королевы приведет его домой* – и повернулся к отцу.

И в этот момент Гарвер Рэнделл вдруг замер и прошептал:

– Он все знает, – а потом упал на колени, задыхаясь.

Саймон бросился к нему.

– Отец? Что с тобой? Что случилось?

Гарвер обхватил голову руками, тело его дрожало.

– Он знает, что дитя появилось на свет. Боже, помоги нам, ведь он все знает, – простонал лекарь, и когда он поднял голову, глаза его поблекли и подернулись дымкой.

У Саймона оборвалось сердце. Он уже видел этот взгляд и знал, что он означает.

Ангел завладел сознанием его отца.

И, судя по ужасу на его лице, Саймон догадался, что это был сам Кориен.

– Отец, послушай меня! Я здесь, с тобой, – Саймон схватил отца за руку. – Пошли! Мы можем уйти! Пожалуйста, поторопись!

Саймон услышал, как за его спиной тихим голосом королева пропела:

– *Спи, дитя, в моих руках, кровью мужа обагренных...* – в ее смехе слышались слезы.

– Он знает, кто я, – отрывисто произнес Гарвер.

Саймон словно окаменел от растущего в груди ужаса.

Кориен знал – знал, что его отец меченый, и Саймон тоже. Так называли полукровок – ни ангелов, ни людей, тех, в чьих жилах текла кровь и той и другой расы.

Внезапно Саймон почувствовал невыносимое жжение под курткой, там, где на спине скрывалась метка. Ему казалось, что она светится так ярко, что все жители побежденной столицы могут узнать о его истинной сущности. Многие годы они с отцом тайно проживали в столице Селдари, скрывая свои меченые спины и свою запретную магию. Для всех жителей города они были лекарями, добропорядочными и трудолюбивыми, к услугам которых охотно прибегали простые люди, магистры различных Храмов и даже члены королевской семьи.

А теперь... теперь об их происхождении стало известно Кориену...

Саймон подтолкнул отца к двери:

– Отец, пойдем, пожалуйста!

Гарвер произнес, задыхаясь:

– Беги отсюда! Он тебя найдет!

Он схватил Саймона за воротник и с силой оттолкнул от

себя.

Саймон ударился головой о массивную кровать королевы и сполз на пол, почти теряя сознание. Он видел, как его отец повернулся и рассмеялся, обхватив руками голову. Слышал, как он зло бормочет слова на непонятном языке, наполовину своим голосом, наполовину голосом Кориена. А потом он вдруг побежал, прихрамывая, на террасу.

В следующий момент со сдавленным криком Гарвер Рэнделл бросился вниз с королевской башни.

Саймон попытался подняться, цепляясь за полог кровати, споткнулся и упал. Голова его пульсировала, он полз к террасе, с трудом подавляя рвотные позывы. Горный ветер хлестал его по щекам, а он никак не мог заставить себя взглянуть вниз. Мальчик ухватился руками за столбики ограждения и прижал лицо к холодному камню. Кто-то или что-то издавало ужасные булькающие звуки.

– Саймон, – произнес чей-то голос за спиной.

В этот момент он понял, что звуки те издавал он сам.

Мальчик вскочил на ноги и, повернувшись, посмотрел на королеву Риэль.

– Это ты во всем виновата, – выкрикнул он. – Ты нас всех погубила! Ты настоящее чудовище! Воплощение зла!

Он хотел сказать больше: она должна была стать Солнечной Королевой, их надеждой и защитницей. А стала Кровавой Королевой. Проклятием королевского рода. Самой Смертью.

Но слезы душили Саймона, не давая ему произнести ни слова. От сильных порывов ветра, дующего с гор, по коже его бежали мурашки, все его хрупкое тельце напряглось, он почти не мог дышать.

Саймон покрепче обхватил себя руками, зажмурил глаза. Казалось, мир покачнулся. Он никак не мог отделаться от навязчивого видения: отец выбегает на террасу и бросается вниз через ограждения.

– Отец, – шептал он, – пожалуйста, вернись.

Королева осторожно села на кушетку напротив него, все еще бережно прижимая к груди младенца. Ноги ее были босы и покрыты кровью, ночная рубашка насквозь промокла от пота.

– А знаешь, ты прав, мальчик, – произнесла Риэль. – Я действительно виновна во всех этих бедах.

Саймон даже был рад, что королева не пыталась оправдаться – что бы она ни сказала, вряд ли бы ему стало лучше от ее слов.

– Думаю, – медленно продолжала Риэль, – он убьет ее.

Саймон фыркнул и вытер рот. Тело сотряслось от холода и непрекращающихся рыданий.

– Что ты имеешь в виду?

Риэль повернулась, чтобы посмотреть на него. Он увидел, что ее губы потрескались и высохли. А ведь когда-то она поражала его своей красотой, вспомнил он.

– Мою дочь, – произнесла она глухим голосом. – Думаю,

Кориен убьет ее. По крайней мере попытается убить.

– Лучше бы он убил тебя, – зло произнес Саймон.

Риэль зашлась в истерическом хохоте, и Саймону ничего не оставалось, как только смотреть на нее в ярости и ужасе – пока она не поднесла малышку к лицу, прижав ее щечку к своей. Младенец издал едва слышный звук и вздохнул.

– Спи, дитя, в моих руках... – прошептала Риэль. Она жалобно всхлипнула. – Одрик бы полюбил ее.

Затем лицо королевы исказила гримаса, она закричала от боли. Прижав младенца к животу, она почти согнулась по полам, задыхаясь.

Пол под ногами Саймона содрогнулся. Стены королевской спальни пришли в движение, словно дышали вместе с королевой.

Кожа Риэль начала меняться, приобрела странное свечение, и на какую-то секунду объятomu ужасом Саймону показалось, что сквозь кожу и плоть он может видеть пульсирующую в венах кровь и кости – и свет в недрах ее тела. Теперь ее окружали мерцающие золотистые искорки, и вся она казалась неземным созданием, сотканным из искр и угольков, от которого исходило ослепительное сияние.

Потом сияние угасло, и Риэль снова обрела обычный человеческий облик.

От ужаса у Саймона кровь застыла в жилах.

– Что это было?

– Мне недолго осталось. – Риэль обратила свой сверкаю-

щий взор на него, и Саймон невольно отшатнулся. Кожа вокруг ее глаз была темной и сухой. – Я не могу больше сдерживать эту силу...

– Вы хотите сказать... что умираете?

– Я так долго пыталась выжить, – едва слышно произнесла Риэль, а потом снова вскрикнула и застыла на месте. Ослепительные искры сорвались с ее пальцев и устремились в ночную мглу, сверкающими дугами проносясь над объятым темнотой городом. На полу террасы остались обугленные полосы.

Риэль подняла глаза, на лбу у нее блестел пот. Под кожей у нее перекатывались волны света. Саймон не мог оторвать от нее глаз – она была одновременно самым прекрасным и самым ужасным существом на свете, которое он только видел.

– Вам... больно? – спросил Саймон.

Риэль издала удивленный смешок.

– Мне не привыкать к боли.

– Хорошо, – ответил Саймон, но все же почувствовал укол стыда. Королева, конечно, была чудовищем, но сейчас она стояла перед ним босая и измученная, нежно сжимая в руках новорожденное дитя.

Раньше, когда у Саймона случались приступы ненависти к королеве, отец всегда напоминал ему, что та когда-то была обычной девушкой. *Помни об этом. Помни, какой она была.*

Но тут королева замерла.

– О, боже, – прошептала Риэль. – Он идет.

Саймон отступил на шаг, тревога в голосе королевы испугала его.

– Кориен?

Риэль поднялась, опираясь на стену одной рукой и морщась от боли.

– Я не могу допустить, чтобы он нашел тебя. Гарвер сумел тебя хорошо укрыть, но если Кориен поймет, что ты здесь, и догадается о твоей сущности...

Рука Саймона невольно потянулась к отметине на спине.

– Вы... вы знали, кто мы?

На лице Риэль промелькнуло какое-то странное выражение, которое Саймон не смог понять.

– Один друг рассказал мне. Так, на всякий случай... Если бы это знание пригодилось...

– Не понимаю...

– У меня нет времени на объяснения. Ты должен спрятаться вместе с ней, убраться отсюда подальше. Я его отвлеку.

С этими словами Риэль сунула дочь в руки Саймона и поспешила в свои покои.

Саймон взглянул на младенца. Крошечная принцесса смотрела на него темными серьезными глазенками, словно ничего интереснее его не было в мире. Несмотря на раскалывающуюся голову и ноющую боль в желудке, Саймон позволил себе слегка улыбнуться ей в ответ.

– Привет, – произнес он и коснулся ее щеки. – Меня зовут Саймон.

– Вот, возьми. – Риэль снова появилась, держа в руке ожерелье – плоский золотой кулон с высеченным на нем крылатым конем. На коне сидела женщина с развевающимися темными волосами, победно занеся зажатый в руке меч. За ее спиной струились лучи солнечного света.

Именно этот образ покорила сердца жителей Селдариин два года назад, после того, как Церковь провозгласила Риэль Солнечной Королевой, пришествие которой предвещало Пророчество.

Когда-то они все так любили ее.

Королева накинула младенцу цепочку на шею и спрятала кулон в складках одеяльца. Саймон робко наблюдал за ней.

– Вы сожалеете о том, что сделали?

– А тебе было бы лучше, если бы это было так?

На этот вопрос у мальчика не было ответа.

Королева поцеловала дочку в лобик.

– Он тебя не получит, – прошептала она. – Я не позволю ему добраться до тебя, сокровище мое.

Затем она повернулась к Саймону и, не успев он возразить, отвела со лба прядь пепельных волос и прижалась к нему поцелуем. Кожу словно обожгло в том месте, где она коснулась ее губами, а на глазах мальчика выступили слезы. Ему казалось, что он стоит на краю утеса, что вот-вот произойдет что-то ужасное, и он не в силах этому помешать.

– Отправляйся в Борсвалл, – сказала ему Риэль. – Найди короля Ильмэра и командира Ингрид. Покажи им это оже-

релье. Они спрячут тебя.

Двери дальних комнат покоев Риэль распахнулись.

– Риэль, – прорычал Кориен.

Риэль прикоснулась к щеке Саймона и заглянула ему в глаза.

– Что бы ни происходило, не позволяй ему найти тебя.

Она повернулась, чтобы уйти, но Саймон схватил ее за руку. Без нее он останется один с младенцем на руках, а единственное, чего ему сейчас хотелось, это спрятать лицо на груди у Риэль. Возможно, она была чудовищем, но сейчас она была для него воплощением материнской любви, которой так ему не хватало.

– Пожалуйста, не уходите... – прошептал он.

Она через силу улыбнулась.

– Ты сильный мальчик, Саймон. Я знаю, что у тебя все получится.

Она поспешила в покои и столкнулась с Кориеном лицом к лицу.

– Где оно? – в тихом голосе Кориена звучала неприкрытая угроза.

Саймон осторожно заглянул в щелку между тяжелыми портьерами, отделяющими покои от террасы. Его сердце замерло от ужаса при виде повелителя ангелов – мужчины с прекрасным бледным лицом с точеными чертами, блестящими черными волосами и чувственными губами, скривившимися в жестокой улыбке.

– Это девочка, – поправила его Риэль. – У меня родилась дочь.

Взгляд Кориена по-прежнему был холоден и беспощаден.

– И где она?

– Я отправила ее подальше отсюда. В сопровождении того, чья мощь так велика, что ты никогда не сможешь найти ее.

Сердце Саймона забилося от радости. Значит, кто-то скоро придет им на помощь.

Кориен недобро рассмеялся.

– Да неужели? И кто бы это мог быть?

– Попробуй, догадайся, – произнесла Риэль. – Ты скоро поймешь, что я больше не позволю тебе навязывать мне свою волю.

Издав гневный рык, Кориен со всей силы ударил ее по лицу. Риэль пошатнулась, на ее губах выступила кровь. В это момент Саймон встретился с ней взглядом. В ее глазах бушевало золотое пламя, в твердом взгляде светилось торжество. На измученном лице была написана непреклонная решимость. Такой королеву он еще никогда не видел.

Я отправила ее очень далеко отсюда. В сопровождении того, чья мощь так велика, что ты никогда не сможешь найти ее.

Ты сильный мальчик, Саймон. Я знаю, что ты сможешь это сделать.

И тут внезапно Саймон понял: никто не придет им на помощь.

Говоря о том, кто обладает великой силой, королева имела в виду его самого.

Лишь он один мог спасти принцессу.

Ему придется использовать свою магию – особую магию меченых, позволявшую им перемещаться в пространстве и времени, ту самую магию, ставшую причиной гибели большинства ему подобных, – чтобы перенестись отсюда на сотни миль, в Борсвалл, где они будут в безопасности.

Риэль повернулась к Кориену.

– Тебе не стоит так гневаться, – произнесла она. – Когда ты охвачен гневом, ты совершаешь ошибки. Если бы ты не был ослеплен им, то все время оставался бы рядом со мной, дождался бы ее рождения, чтобы сразу перерезать ей горло.

Кориен одарил ее ледяной улыбкой.

– Ты бы меня за это прикончила.

Королева пожала плечами.

– Еще не все потеряно, может, сейчас я тебя все же убью.

Саймон отвел глаза. Сердце его сжималось от страха. Как он может совершить этот переход? Ему ведь всего восемь лет. Он не один раз перечитал книги по магическим перемещениям от корки до корки, но до конца не разобрался в премудростях этого искусства. И из рассказов отца про былые времена, еще до того, когда меченых стали преследовать и люди, и ангелы, он знал, что никто из его племени даже не пытался совершать магические путешествия, пока не повзрослеет.

«Ты можешь это сделать», –раздался голос в его ушах. Женский голос, но это не был голос королевы. Он, несомненно, был ему знаком, но все же...

Он резко обернулся, всматриваясь в темноту, но никого не увидел.

«Ты должен это сделать, – произнес тот же голос. – Только ты, Саймон, и этот ребенок можете спасти нас. Потопишься же. Пока он вас не обнаружил и не понял, кто ты. Твой отец хорошо тебя скрывал, но теперь его нет, а я больше не могу тебя защищать».

Из глубины королевских покоев донесся оглушительный грохот, сопровождающийся звоном разбитого стекла, разлетающегося по полу. Королева громко закричала, и Кориен выкрикнул что-то в ответ полным ненависти голосом.

Замок содрогнулся. Стена, к которой прижимался Саймон, затряслась, словно глубоко под землей пробудилась некая неведомая сила. Из спальни вырвался горячий поток воздуха, от которого задрожали окна. Саймон присел, прижимая к груди младенца, который вдруг начал корчиться и сердито хныкать.

– Пожалуйста, тише, – прошептал Саймон. Воздух вокруг него вибрировал, пол террасы качался под ногами. По спине мальчика бежали струйки пота. Пульсирующий ослепительный свет, исходящий из спальни, становился все сильнее и ярче.

Мальчик закрыл глаза, пытаясь выбросить из головы

странный женский голос и сосредоточиться. Он судорожно рылся в памяти, пытаясь вспомнить слова из запретных книг, которые остались лежать под половицами в отцовской лавке.

Эмпириум присутствует внутри каждого живого существа, каждое живое существо создано из эмпириума.

Его сила соединяет не только плоть с костью, корни дерева с землей, но и дороги с дорогами, город с городом.

Мгновение с мгновением.

Саймон знал, что этим могущественным даром наделены лишь меченые. Удивительным даром, позволяющим его обладателю мгновенно преодолевать огромные расстояния и проходить сквозь ткань времени так же легко, как другие ходят по дороге.

В своем воображении Саймон часто представлял, что было бы, если бы он мог совершить путешествие во времени и перенестись в те времена, когда не было ангельских войн, когда Врата еще не были возведены, когда ангелы еще ходили по земле и крылья драконов затмевали небо.

Но сейчас нельзя было думать о времени, это такая опасная, зыбкая субстанция. Он должен сосредоточиться только на пространстве, ведь его задача перенестись из Селдариин в Борсвалл.

– Нет, Риэль! – отчаянно закричал Кориен. – Нет! Не делай этого!

Саймон обернулся и увидел, что королева, пошатываясь,

стоит на коленях, обратив лицо к небу, а ее окружает ослепительно яркая сфера, вся будто сотканная из света. Кориен неистово колотил по ней кулаками, обжигая их, но не мог дотянуться до Риэль. Он царапал пальцами светящуюся стену, кричал и проклинал королеву, умолял ее остановиться.

Но все его проклятья и мольбы были бесполезны. Тело Риэль раскрывалось, как сияющий цветок, вытягиваясь в длинные потоки света, таяло на глазах, с кожи слетали искорки и тут же исчезали, как пепел, уносимый ветром.

Саймон отвернулся и прошептал принцессе:

– Не бойся. Я с тобой. И никому тебя не отдам.

Он закрыл глаза, прикусил губу, пытаясь отвлечься от отчаянных криков Кориена и невыносимого света, исходящего от королевы. Он направил мысли на северо-восток, в сторону Борсвалла. Вспоминая наставления в магической книге, он размеренно дышал, стараясь направлять энергию дыхания по всему телу, чувствуя ее поток вдоль каждого сухожилия, каждой кости.

Вот оно.

Он распахнул глаза.

Прямо перед ним в воздухе плавали тонкие призрачные светящиеся нити.

С бешено бьющимся сердцем Саймон одной рукой крепко прижал к груди принцессу, а другую вытянул вперед. Он прислушивался к голосу крови, ибо лишь кровь меченых знала, какую нить выбрать, и это было так же естественно,

как ходить, глотать, дышать. Сквозь ночную мглу он пытался нащупать ниточки, связывающие *здесь и там*. Где-то перед ним лежала дорога, скрытая от его глаз, но, несомненно, известная силе, бушевавшей в его венах, и если только ему удастся найти нужную нить, то она развернется под его ногами, как ковер...

Наконец-то.

Одна из ниточек, светящаяся ярче других, танцевала прямо у его пальцев.

Саймон не осмеливался ухватиться за нее. Если он помедлит, или, наоборот, поспешит, если отвлечется хоть на секунду, нить ускользнет от него.

За его спиной королева кричала Кориену голосом, исполненным ярости:

– Ты больше не властен надо мной!

Времени для сомнений не оставалось. Саймон потянулся к светящейся струне, осторожно намотал на пальцы, словно это была прядь блестящих волос.

«Не торопись, – говорилось в магических книгах, – почувствуй свою нить. Чем больше ты с ней сольешься, тем с большей вероятностью она приведет тебя туда, куда ты хочешь попасть».

Саймон внимательно смотрел на нить, которую держал в пальцах, а в это время другие вспыхнули и переместились ближе к нему, словно его взгляд притягивал их магнитом.

Несмотря на то, что они обжигали нежную кожу ладоней,

он собрал их все, удерживая в руках, усилием мысли направляя в холодную тьму ночи. Вскоре он сумел выстроить их в зыбкое колышущееся кольцо, за которым сквозь тьму простирался проход в неизвестность.

Первая нить – самая яркая – приблизилась к груди Саймона, прильнула к ней, кольнув, словно терновый шип, и он почувствовал, как неведомая сила слегка потянула его вперед.

Ощущение было весьма странное, и Саймон, смутившись, мысленно произнес: *«Приветствую тебя»*.

Тяга тотчас же ослабла.

Зыбкое пространство за светящимся кругом из нитей слегка прояснилось, и Саймон увидел туманные очертания какой-то незнакомой местности: извилистую дорожку из черного камня, высокие узкие врата. Горы с заснеженными вершинами. Застывших в благоговейном ужасе солдат, кричащих что-то на гортанном борсвальском языке, показывающих на него пальцами.

Каждая мышца в детском теле Саймона напряглась. С каждым вдохом мир вокруг становился все тусклее. Но, несмотря на это, его все сильнее захлестывала неудержимая радость. Он и представить не мог, что можно испытывать такое беспредельное счастье. Нелегко было повелевать этой силой, но все происходило естественно, ведь она принадлежала ему по праву.

А затем он услышал, как за его спиной королева Риэль

выкрикнула какие-то слова, которые он не смог разобрать. Ее голос сорвался.

Безумные крики Кориена были исполнены нестерпимой муки.

Саймон сглотнул, чувствуя, как его окутывает ледящий ужас, словно рой жалящих насекомых.

Внезапно наступившая тишина поглотила все звуки – плач младенца, легкое жужжание светящихся нитей. Мир словно замер.

Саймон оглянулся и успел увидеть, как ослепительный столп света, исходящий из покоев королевы, прорвался сквозь ночную мглу, и небо посветлело, как перед рассветом. Саймон спрятал лицо, склонившись над младенцем, которого сжимал в руках, и продолжал размахивать в воздухе дрожащей рукой. Через мгновение мертвую тишину прервал оглушительный гул, от которого задрожали горы. Саймон едва устоял на ногах.

Казалось, половина замка ушла вниз. Воздух наполнился запахом гари. Одна из гор окружавшего столицу хребта рухнула, за ней вторая, третья...

«Держи ее крепче, – произнес все тот же высокий звонкий женский голос. – Ни в коем случае не отпускай».

Светящиеся нити скользили, подчиняясь силе его мысли. Он чувствовал, что его тело словно растянато между тем местом, на котором стояли его ноги, и той точкой в груди, где он чувствовал тягу нити.

«Иди, Саймон! – выкрикнул таинственный голос. – *Прямо сейчас!*»

Саймон сделал шаг к кольцу света, проход за которым вел на восток, и в этот миг пространство за его спиной взорвалось ослепительной вспышкой.

Последнее, что он запомнил, – это стена белого пламени, охватывающая его со всех сторон, потрескивающая, как тысячи молний. Потoki воздуха бушевали вокруг него, когда он прошел сквозь сотканный из светящихся нитей проход, словно его омывали струи холодной воды. Крошечная принцесса отчаянно плакала у него на руках.

Горы Борсвалла растаяли и исчезли из вида.

Нить, приникшая к его сердцу, начала меняться, извиваясь и теряя яркость...

А потом лопнула с оглушительным треском.

Какая-то неведомая сила обрушилась на него, и, словно вцепившись в кости, рванула его тело вперед.

Малышку вырвало у него из рук, несмотря на то что он крепко за нее цеплялся.

Раздался треск рвущейся ткани...

И он погрузился в небытие...

Глава 1

Риэль

«Лорд-командующий Дарденн пришел ко мне посередине ночи, прижимая к себе свою пятилетнюю дочь. Она была вся в крови. Это кровь ее матери, сказал он. Он едва мог говорить. Никогда прежде я не видел этого человека столь испуганным. Он сунул Риэль мне в руки и сказал: помоги нам. Помоги ей. Не дай им забрать ее у меня».

Из показаний Великого Магистра Талиесина Белоуннона при расследовании кровавых событий во время Королевских скачек и участия в них леди Риэль Дарденн 29 апреля 998 г. Второй эпохи

Двумя годами ранее

Риэль Дарденн ворвалась в кабинет Тала и бросила на стол тайное послание, полученное по голубиной почте.

– Принцесса Руна мертва, – объявила она.

Риэль вряд ли призналась бы себе, что эта новость ее сильно взволновала, – королевство Селдария и их северо-восточный сосед Борсвалл в течение многих десятилетий находились в состоянии постоянной напряженности, поэтому вряд

ли кого-либо удивило бы подобное известие. Скажем, торговое судно селдарианцев затонуло у берегов Борсвалла, или солдаты, патрулирующие границу, вступили в схватку друг с другом.

Но убийство принцессы Борсвалла? Вот это была новость. И Риэль не терпелось ее обсудить во всех подробностях.

Тал вздохнул, отложил перо и провел руками в чернильных пятнах по своим спутанным светлым волосам. Отполированный золотой знак в виде языков пламени, приколотый к его воротнику, то и дело ярко вспыхивал на солнце.

– Возможно, – предположил Тал, обратив на Риэль взгляд, который не был ни неодобрительным, ни удивленным, – тебе следует проявлять поменьше восторга по поводу убийства принцессы?

Она присела в кресло напротив.

– Я ничуть не в восторге от этого. Я просто заинтригована. – Риэль схватила со стола листок бумаги и снова перечитала написанные там слова. – Значит, ты думаешь, что это было убийство по политическим мотивам? Одрик именно так и считает.

– Обещай мне, что не наделаешь сегодня глупостей, Риэль.

Она мило улыбнулась ему.

– Когда это я совершала глупости?

Он в ответ только приподнял бровь.

– Городская стража в состоянии повышенной готовности.

Я хочу, чтобы ты была здесь, в Храме. В безопасности, на случай, если что-нибудь произойдет. – Он взял у нее послание, пробежался глазами. – Кстати, откуда это у тебя? Нет, подожди. Я понял. Одрик дал его тебе.

Риэль напряглась.

– Одрик держит меня в курсе событий. Он мой хороший друг. Что в этом такого?

Тал не ответил, да это было и не нужно.

– Если ты хочешь мне что-то сказать, – выпалила она, и на ее щеках вспыхнул румянец, – просто скажи это. Или лучше давай начнем урок.

Тал чуть задержал на ней испытующий взгляд, а потом отвернулся и снял четыре огромные книги с полки позади него.

– Вот, – сказал он, не обращая внимания на непокорное, дерзкое выражение, появившееся на ее лице. – Я поместил несколько отрывков, чтобы ты прочитала. Сегодняшний день будет посвящен тихой, спокойной учебе. Позже я проверю, усвоила ли ты эти знания, так что даже не думай отлынивать.

Риэль сузила глаза, глядя на верхнюю книгу в стопке. «Краткая история Второй Эпохи, Том I: Последствия Ангельских войн». Она скорчила гримасу.

– Едва ли это похоже на *краткую* историю.

– Вполне, если посмотреть в исторической перспективе, – сказал он, возвращаясь к бумагам на столе.

Любимым местом Риэль в кабинете Тала был широкий подоконник, с которого можно было любоваться видом главного двора Храма. Подоконник был завален алыми подушками, отделанными золотой тесьмой, и когда она сидела там, подставив ноги солнцу, то почти могла забыть, что за Храмом и ее родным городом существует огромный мир – мир, который ей не суждено когда-либо увидеть.

Риэль уселась у окна, сбросила туфли, задрала тяжелые юбки в кружевах и положила босые ноги на подоконник. Весеннее солнце омыло ее кожу теплом, и вскоре она уже представляла себе, как расцветает Одрик в такие вот яркие, солнечные дни. Как светится и будто даже потрескивает его кожа, словно умоляя, чтобы к ней прикоснулись ее пальцы.

Тал покашлял, отвлекая ее внимание от опасных мыслей. Он слишком хорошо ее знал.

Риэль раскрыла «Краткую историю», взглянула на крошечные выцветшие буквы и представила, как выбрасывает книгу из окна, прямо во двор Храма, где горожане собирались на утреннюю молитву, – каждый из них будет молиться о том, чтобы лошадь, на которую он поставил в сегодняшнем забеге, непременно пришла первой. В каждом храме столицы будет полным-полно таких страждущих душ. Не только здесь, в Храме Огня, где служил Тал и горожане возносили молитвы святой Марзане Блистательной – повелительнице огня – но и в Храме Света, и в Храме Ночи, и в Купели, и в Храме Земли, и в Священной Кузнице, и в Храме Неба.

Они шептали свои молитвы во всех семи храмах, всем семи святым и их стихиям.

Напрасные старания, подумала Риэль со все возрастающим возбуждением. *По сравнению со мной все другие всадники будут выглядеть как детшики на пони.*

Она пролистала несколько страниц, закусив губу, пока не почувствовала себя достаточно спокойной, чтобы снова заговорить.

– Я слышала, многие при дворе Борсвалла обвиняют Селдарию в смерти Руны. Но мы ведь не стали бы этого делать, правда?

Перо Тала скрипнуло по бумаге.

– Разумеется, нет.

– Хотя не имеет значения, правда это или нет, не так ли? Если советники короля Халлварда убедят его, что мы убили его дочь, он, наконец, объявит нам войну.

Тал с раздражением отбросил перо.

– Видимо, мне сегодня не суждено закончить работу.

Риэль постаралась скрыть усмешку. *Если бы ты только знал, как это верно, дорогой Тал.*

– Сожалею, что у меня появились вопросы о политическом климате в нашей стране, – холодно заметила она. – Подпадает ли эта тема под категорию вещей, которые нам с тобой запрещено обсуждать, чтобы мой бедный, легкоранимый мозг не повредился от непосильного напряжения?

Улыбка дрогнула на губах Тала.

– Да, Борсвалл может объявить нам войну.

– Похоже, тебя совсем не беспокоит такая возможность.

– Я нахожу ее маловероятной. Мы не раз были на грани войны с Борсваллом за последние десятилетия, но так ничего и не произошло. И никогда не произойдет, потому что даже если жители Борсвалла и хотят войны, король Халлвард для этого недостаточно здоров и далеко не глуп и понимает, что мы легко сокрушим его армию. Он не может позволить себе войну ни с кем, а тем более с Селдарией.

– Олдрик сказал... – Риэль замялась. Горло перехватило от внезапной волны беспокойства. – Олдрик думает, что смерть принцессы Руны и восстание рабов в Кирвайе означают, что время пришло. Грядет Пришествие двух Королев.

Тишина опустилась на комнату, подобно савану.

– Олдрик всегда был слишком очарован этим Пророчеством, – обманчиво спокойным тоном сказал Тал. – Он искал признаки Пришествия Королев многие годы.

– На этот раз он был довольно убедителен.

– Восстания рабов и мертвой принцессы едва ли достаточно, чтобы...

– Но я слышала, как Великий Магистр Дюваль говорил о том, что в Меридиане по всему океану прошли шторма, – продолжала она, пристально глядя ему в лицо. – Они добрались даже до Вентеры и Аставара. Странно, ведь сейчас не сезон штормов.

Тал моргнул.

«Вот оно что, – подумала Риэль. – А ведь ты этого не знал, не так ли?»

– Случается, что шторма бушуют не только в сезон, – сказал Тал. – Эмпириум неисповедим.

Риэль смяла пальцами края своих пышных юбок, утешая себя тем, что скоро наденет брюки и сапоги для верховой езды, и ветер будет обдувать ее кожу в открытом вороте рубашки.

Она скоро займет место у стартовой черты.

– В отчете, который я читала, – заметила она, – говорилось, что из-за пыльной бури на юге Меридиана порт Морсии был закрыт на несколько дней.

– Одрик должен прекратить показывать тебе каждое сообщение, которое ложится ему на стол.

– Одрик ничего мне не показывал. Я сама нашла это письмо.

Тал поднял бровь.

– Ты хочешь сказать, что пробралась в его кабинет, когда его там не было, и просмотрела его бумаги?

Щеки Риэль вспыхнули.

– Я зашла туда, чтобы забрать книгу, которую там оставила.

– В самом деле? И что бы, интересно, сказал Одрик, если бы узнал, что ты зашла в его кабинет без разрешения?

– А ему все равно. Я могу приходить и уходить, когда захочу.

Тал закрыл глаза.

– Леди Риэль, вы не можете посещать личные апартаменты наследного принца, когда вам заблагорассудится, и делать вид, будто в этом нет ничего особенного. Вы двое больше не дети. И ты не его невеста.

Риэль на мгновение потеряла способность дышать.

– Мне это очень хорошо известно, *милорд*.

Тал только махнул рукой и поднялся из кресла, показывая всем своим видом, что все разговоры о Пророчестве и Королевах на этом закончены.

– Город сегодня переполнен народом, и произойти может что угодно, – сказал он, проходя через комнату, чтобы налить себе еще чашку чая. – Все болтают о смерти принцессы Руны. В подобной атмосфере эмпириум может повести себя самым непредсказуемым образом. Возможно, нам следует вознести молитвы, дабы укрепить наш дух. В хаосе этого мира горящее пламя послужит нам якорем, связывающим нас с миром, эмпириумом и Богом.

Риэль бросила на него насмешливый взгляд.

– Вот только не надо говорить со мной этим магистерским тоном, Тал, как какой-нибудь древний старец.

Он вздохнул, сделал глоток чая.

– Я и в самом деле не молод. И сердит к тому же, а все из-за тебя.

– Тридцать два года едва ли можно назвать старостью, особенно для того, кто уже стал Великим Магистром Храма Ог-

ня. – Риэль сделала паузу. Она должна быть сейчас предельно осторожной. – Не удивлюсь, если тебя назначат следующим Архонтом. Безусловно, когда рядом такой талантливый человек, как ты, я могу спокойно наблюдать за скачками из твоей логи. . .

– Не пытайтесь льстить мне, леди Риэль. – Его глаза сверкнули. Перед ней сейчас был тот Тал, который ей так нравился, – грозный огненный маг, а не благочестивый учитель. – Сейчас это для тебя небезопасно, не говоря уже о той угрозе, которую ты можешь представлять для окружающих, если что-то тебя расстроит и ты потеряешь контроль над собой.

Риэль захлопнула толстый исторический фолиант и соскочила с подоконника.

– Черт тебя побери, Тал.

– Только не в Храме, пожалуйста, – предостерег Тал, глядя на нее над краем чашки.

– Я уже не ребенок. Ты действительно думаешь, что у меня не хватит ума вести себя как подобает? – насмешливо спросила она. – «Риэль, давай помолимся вместе, чтобы ты успокоилась». «Риэль, давай споем песню о святой Кейтелл Великолепной, чтобы отвлечь тебя от ненужных мыслей». «Нет, Риэль, ты не можешь пойти на маскарад. Там ты можешь забыться и потерять контроль над собой. И вообще, веселье тебе ни к чему». Если бы отец настоял на своем, я бы до конца жизни так и сидела взаперти, уткнувшись носом в книгу или преклонив колени в молитве, и хлестала бы себя

плетью каждый раз, когда у меня появлялась какая-нибудь случайная гневная мысль. Такой жизни вы с ним хотите для меня?

Тал сидел не шелохнувшись и смотрел на нее.

– Ради того, чтобы ты была в безопасности и другие тоже?

Да, безусловно.

– Держать меня под замком, как какую-нибудь преступницу. – Знакомая все разрушающая злость начала расти в ней; она усилием воли подавила ее. Она ни за что не потеряет контроль над своей силой, только не сегодня.

– Знаешь ли ты, – сказала она притворно бодрым тоном, – что во время грозы отец отводит меня вниз, в комнату для слуг и дает мне настойку сонного корня? От нее я засыпаю, а он запирает меня и оставляет там одну.

– Да, – ответил Тал после паузы.

– Раньше я сопротивлялась. Он скручивал меня, бил по лицу, зажимал нос до тех пор, пока я не задыхалась и не открывала рот. Тогда он запихивал пузырек мне в рот и заставлял пить, я все выплевывала, но он продолжал вливать в меня настойку, нашептывая мне обо всем, что я когда-либо делала неправильно, и когда я уже не могла с ним бороться, я кричала о том, как сильно его ненавижу, и засыпала. Когда я просыпалась, грозы уже не было.

На этот раз пауза затянулась.

– Да, – тихо сказал Тал, наконец. – Это я тоже знаю.

– Он считает, что грозы могут пробудить мою силу. Они

возбуждают моевоображение, так он говорит.

Тал покашлял, прочищая горло.

– Это моя вина.

– Я знаю.

– Но давать тебе снадобье придумал твой отец.

Она бросила на него уничтожающий взгляд.

– И что, ты даже не пытался отговорить его от этого?

Он не ответил, выражение бесконечного терпения на его лице заставило ее вскипеть.

– Я больше не сопротивляюсь, – сказала она. – Я слышу раскаты грома и безропотно спускаюсь вниз, даже без его повеления. Какой же жалкой я стала.

– Риэль... – Тал вздохнул и покачал головой. – Все, что я могу тебе сказать, я уже говорил раньше.

Она подошла к нему, позволяя чувству одиночества, которое она обычно скрывала от него – от всех в мире, – смягчить выражение ее лица. *Ну давай же, добрый магистр Белоуннон. Пожалей свою милую Риэль.* Он сдался первым, отвернувшись от нее. Выражение, похожее на печаль, промелькнуло на его лице, он сжал челюсти. *Отлично.*

– Он позволил бы мне всю жизнь провести во сне, если бы только мог, – сказала она.

– Он любит тебя, Риэль. Он просто беспокоится о тебе.

Жар, вспыхнувший на кончиках пальцев Риэль, рос вместе с ее гневом.

На этот раз, охваченная неумолимой волной ярости, она

позволила этому случиться. Она знала, что не должна этого делать, что эта вспышка только усложнит задуманный ею побег, но неожиданно для себя самой она не смогла заставить себя остановиться.

Он любит тебя, Риэль.

Отец, любящий свою дочь, не сделает ее пленницей.

Она схватила одну из свечей со стола Тала и с мрачным удовлетворением наблюдала за тем, как фитиль вспыхнул неровным непокорным пламенем, плевался искрами. Глядя на него, она представила себе, как захлестнувшая ее ярость, подобно реке, неудержимо выплескивающейся из своих берегов, питает пламя в ее руках. Это пламя росло – вот оно уже размером с перо... кинжал... меч. Затем вспыхнули все остальные свечи – лес огненных лезвий.

Тал поднялся из-за стола и поднял красивый полированный щит с подставки в углу комнаты. Всем повелителям стихий, которые когда-либо жили на свете – магам воды, ветра, теней, и каждому огненному магу, такому как Тал, – приходилось использовать артефакты, особые магические предметы, созданные своими руками, чтобы призвать стихию. Ту единственную стихию, которой каждый из них мог управлять.

Всем, но только не Риэль.

Она не нуждалась в артефактах, и огонь был не единственной стихией, которая ей подчинялась.

Она могла управлять всеми семью стихиями.

Тал встал позади нее, одной рукой держа щит, другой мягко касаясь ее руки. В детстве, когда она еще думала, что влюблена в Тала, такие прикосновения приводили ее в восторг.

Теперь же она испытывала сильное желание ударить его.

– Во имя святой Марзаны Блистательной, – прошептал Тал, – мы возносим эту молитву огню, дабы священный эмпиреум услышал нашу мольбу и даровал нам силу: силу легконового огня, пылающего не яростно и исступленно, но горящего ровно и ярко, несущего в мир истину и чистоту.

Риэль едва сдержалась, чтобы не выругаться. Как же она ненавидела молиться. Каждое произносимое Талом знакомое слово казалось ей еще одним железным прутом, добавляемым к клетке, в которой ее держали отец и Тал. Комната начала трястись – зазвенели стекла в открытом окне, чернильница на столе, наполовину допитая Талом чашка чая.

– Риэль? – позвал ее Тал, чуть отведя щит. Она почувствовала, как в его теле нарастает жаркое напряжение, – он готовился погасить ее огонь своей собственной силой. Но как она ни сопротивлялась, беспокойство в его голосе заставило ее ощутить приступ раскаяния. Он хотел как лучше, она знала это. Он отчаянно желал, чтобы она была счастлива.

В отличие от ее отца.

Поэтому Риэль склонила голову и проглотила свой гнев. Ведь то, что она собиралась вскоре совершить, скорее всего, навсегда разрушит их отношения с Талом. Она может поз-

волить ему сейчас одержать эту маленькую победу.

–Пылающего не яростно и иступленно, – повторила она и закрыла глаза.

Она мысленно отбросила от себя каждый намек на эмоции, каждый звук, каждую мысль, пока ее разум не затопило огромное пространство тьмы – за исключением крошечного пятнышка света, которое сверкало пламенем в ее руках.

А затем она позволила тьме полностью поглотить пламя, и осталась одна в холодной пустоте своего разума.

В комнате воцарилось спокойствие.

Рука Тала выпустила ее руку.

Риэль услышала, как он вернул щит на место. Молитва очистила ее разум и, очнувшись от охватившего все ее существо приступа ярости, она сейчас чувствовала... просто пустоту. Пустоту в сердце, пустоту в голове.

Когда она открыла глаза, они были сухими и усталыми. Она с горечью думала о том, каково это – жить без постоянного напева молитв в мыслях, предостерегающих ее от ее же собственных чувств.

Колокола храма пробили одиннадцать раз; сердце Риэль радостно встрепенулось в ожидании. В любой момент она могла услышать сигнал от своей милой подруги Людивин.

Она повернулась к окну. Больше не будет никаких молитв, никакого чтения толстенных манускриптов. Каждая мышца ее тела наполнилась энергией. Она хотела мчаться на коне, обгоняя ветер.

– Я лучше умру, чем останусь жить пленницей отца, – наконец сказала она. Это прозвучало излишне драматично, но ей было все равно.

– Хочешь умереть, как твоя мать?

Риэль замерла. Когда она обернулась к Талу, тот пристально смотрел на нее и не отвел взгляда. Она не ожидала от него такой жестокости, от отца – да, но только не от Тала.

Воспоминание о том давнем пожаре вспыхнуло перед ее глазами. Она постаралась, чтобы ее голос прозвучал ровно.

– Это отец велел тебе напомнить о ней, если я выйду из-под контроля? – спросила она. – В связи со скачками и всем остальным.

– Да, – невозмутимо ответил Тал.

– Что ж, я рада сообщить тебе, что я лишь один-единственный раз в своей жизни убила человека. Тебе не о чем беспокоиться.

Через мгновение Тал отвернулся от нее, чтобы поправить стопку книг на столе.

– Все эти меры необходимы в такой же степени для твоей безопасности, как и для безопасности всех окружающих. Если только король обнаружит, что мы скрывали правду о твоей силе все эти годы... ты ведь знаешь, что может случиться. И какие последствия это будет иметь для твоего отца. И все же он поступает так, потому что любит тебя больше всех на свете, хотя вряд ли ты это когда-либо сможешь понять.

Риэль громко рассмеялась.

– Только этого недостаточно, чтобы так со мной обращаться. Я никогда не прощу ему этого. И когда-нибудь я перестану прощать и тебя.

– Я знаю, – сказал Тал, и печаль, прозвучавшая в его голосе, почти заставила Риэль пожалеть его.

Но только почти.

И в этот момент внизу раздался сильный грохот и громкий сигнал тревоги.

Людивин.

Тал бросил на Риэль так хорошо знакомый ей укоризненный взгляд, который обычно у него появлялся в ответ на ее эскапады: например, когда в семь лет она устроила потоп в Купели, или в пятнадцать лет, когда он поймал ее с поличным в таверне Одо, куда она впервые улизнула тайком. *За что мне все это, говорил этот взгляд, чем я заслужил такие испытания?*

Риэль смотрела на него с самым невинным видом.

– Оставайся здесь, – приказал он. – Я не шучу, Риэль. Я хорошо понимаю, насколько ты разочарована, – правда, понимаю. Конечно, несправедливо, что ты вынуждена вести такую скучную жизнь, но этого требуют твои же собственные интересы.

Риэль вернулась на подоконник, надеясь, что всем своим видом выражает подобающее ситуации смущение.

– Я люблю тебя, Тал, – сказала она, и это было в достаточной мере правдой, чтобы заставить ее возненавидеть себя.

– Я знаю, – кивнул Тал и, накинув мантию, поспешил на крик.

– Магистр, это леди Людивин, – раздался из коридора испуганный голос одного из юных служителей Храма Огня. – Она только что пришла в часовню, мой господин, и вдруг побледнела и упала в обморок. Я не знаю, что случилось!

– Срочно пошлите за моим лекарем, – раздался голос Тала, – и отправьте сообщение королеве. Она будет в своей ложе на трибунах. Скажите ей, что ее племянница заболела и не сможет к ней присоединиться.

Когда голоса смолкли, Риэль улыбнулась и потянулась за туфлями.

Остаться здесь?

Ни за что.

Она поспешила через гостиную, примыкающую к кабинету Тала, в гулкие коридоры храма, выложенные мрамором с красными прожилками, с роскошными коврами, украшенными вышитыми языками пламени. На входе в храм, паркетный пол которого был отполирован так, что сверкал, словно золото, царил суматоха: прихожане, служители храма и слуги спешили к островерхим дверям часовни.

– Это леди Людивин, – прошептал молодой послушник своему спутнику, когда Риэль проходила мимо. – Видимо, ей стало плохо.

Риэль усмехнулась, представляя, как все суетятся вокруг бедной Людивин, такой прекрасной и слабой, трагически

распростертой на полу часовни. Она представила себе, как Людивин будет наслаждаться всеобщим вниманием, а затем и воспоминаниями о том, как устроила целое представление для почтенных жителей столицы, дергая их за ниточки, как кукловод марионеток.

Даже если и так, Риэль все равно будет ей обязана за эту неоценимую помощь.

Как бы то ни было, оно того стоит.

Лошадь Людивин стояла рядом с ее у дверей храма. Ее держал под уздцы молодой конюх, который, казалось, был на грани паники. Он узнал Риэль и с облегчением выпустил поводья.

– Простите меня, леди Риэль, но что с леди Людивин? С ней все хорошо? – спросил он.

– Не имею ни малейшего понятия, – ответила Риэль, вскакивая в седло. Затем она хлестнула лошадь, и та помчалась по главной дороге, ведущей от Храма Огня в центр города, стуча копытами по булыжной мостовой. Вокруг них высились жилые дома и храмовые здания – серые каменные стены с барельефами, изображающими сцены возведения столицы, округлые крыши, покрытые полированной медью, высокие стройные колонны, увитые цветущим плющом, белые фонтаны, увенчанные изображениями Семи Святых в молитвенной позе. Так много гостей со всего мира съехалось на Королевские скачки в Ам-де-ля-Терр, столицу Селдариин, что даже прохладный весенний воздух казался теперь густым и

вязким. В городе пахло потом и пряностями, разгоряченными лошадьми и азартом.

Когда Риэль резко свернула с основной дороги, толпа в страхе расступилась по обе стороны от нее, ей в спину полетели гневные проклятия, но быстро смолкли, едва только кто-то в толпе догадался, кто она такая. Она быстро скакала по извилистым улицам в направлении главных городских ворот, все ее тело звенело от напряжения как струна. Но сегодня она не даст выхода своей силе.

Она будет соревноваться за главный приз Королевских скачек, как любой свободный гражданин Селдарики, и докажет отцу, что способна контролировать свою силу, даже если ее жизни будет угрожать опасность, даже если глаза всех жителей города будут устремлены на нее.

Она докажет ему и Талу, что заслуживает того, чтобы жить обычной жизнью среди людей.

Глава 2

Элиана

«Элиана рассказывала мне, что в тот день, когда войска Империи захватили наш город, невозможно было дышать, все задыхались от запаха крови. Она радовалась, что я тогда был младенцем и не могу этого помнить, но я бы предпочел, чтобы эти воспоминания остались в моей памяти. Может, тогда я был бы сильнее. Мог бы стать воином. Как моя сестра».

Из дневника Реми Ферракора, уроженца Орлина 3 февраля 1018 г. Третьей Эпохи

1020 лет спустя

Охота была в самом разгаре, когда Элиана услышала крик.

В этом не было ничего особенного – в городе Орлин часто раздавались крики, особенно в районе Пустошей, где вокруг заброшенных речных причалов ютились трущобы, темные островки горя и нищеты.

Но на сей раз это был отчаянный, душераздирающий крик – очевидно, кричал ребенок, – который умолк так резко, что Элиана решила было, что ей это почудилось.

– Ты это слышал? – прошептала она Харкану, который

стоял рядом с ней, прислонившись к стене.

Харкан напрягся.

– Что именно?

– Крик. Кричала девчонка.

– Не слышал я никакого крика.

Элиана посмотрела на ближайшее темное окно, поправила на лице новую бархатную маску, невольно залюбовавшись своим стройным силуэтом, отраженным в стекле.

– Ну конечно, ведь всем известно, что слух у тебя дерьмовый.

– И вовсе не дерьмовый, – пробормотал себе под нос Харкан.

– Во всяком случае, не такой острый, как у меня.

– Ну, не всем же быть образцом совершенства, как та, кого прозвали Ужасом Орлина.

Элиана вздохнула.

– Как ни печально, это истинная правда.

– Думаю, даже с моими несовершенными ушами я все же услышал бы девчачий крик. Может, тебе почудилось?

Но Элиана так не думала.

В Орлине в последнее время стали исчезать девочки и женщины – причем их не отправляли в трудовые лагеря и не забирали в замок наместника Орлина, чтобы сделать наложницами. Такое невозможно скрыть – обязательно просочатся слухи, найдутся какие-нибудь свидетели.

Но девушки, пропавшие за последнее время, просто бес-

следно исчезали. Вот они перед вами, а в следующую секунду их уже нет.

Сначала Элиана старалась не обращать внимания на подобные рассказы. Из ее окружи пока никто не исчезал, и она не думала, что имперские власти вдруг начнут похищать собственных граждан, особенно тех, кого считали благонадежными. Ее семья уж точно в безопасности. А значит, эти таинственные исчезновения не ее проблема.

Но женщины продолжали исчезать, и чем больше историй ходило о пропавших, тем труднее было делать вид, что ничего не замечаешь. Пропадали чьи-то сестры, матери – их отнимали у близких, забирали, когда они спокойно спали ночью в своей постели. И речь не шла о каких-то преступниках или родственниках повстанцев Красной Короны.

А потом поползли совершенно нелепые слухи: якобы причиной всему была дыра в небе на другой стороне мира. Возможно, в Селдании. А может быть, в Сандерленде. История преподносилась по-разному. Некоторые считали, что все в мире взаимосвязано – если есть дыра в небе, значит, где-то будут пропадать женщины.

Но Элиана не относилась к числу сторонников этой идеи. Дыра в небе? Люди просто сходят с ума от страха, впадают в истерику, вот и придумывают небылицы.

Вдруг снова послышался отчаянный крик, уже ближе.

Все тело Элианы содрогнулось от странного гнетущего ощущения, по коже поползли мурашки. Казалось, мир по-

качнулся перед ее глазами, замер на мгновение, а потом снова вернулся на место, и все стало как прежде. Сладковатый запах белых цветов на дереве гемма вдруг показался ей тошнотворно-приторным.

Рядом с ней пошевелился Харкан.

– С тобой все в порядке?

– Ты разве ничего не почувствовал?

– Что я должен был почувствовать? Да что с тобой такое сегодня?

– Мне кажется... – Пространство, видимое лишь боковым зрением, дрожало, словно мираж в знойной пустыне.

– Не знаю, чем вызвано это ощущение. Похоже на то, что чувствуешь, когда рядом адатрокс, но гораздо хуже.

При упоминании имперских солдат – адатроков – Харкан напрягся.

– Не вижу поблизости никаких адатроков. Ты уверена, что в этом дело?

Тут раздался третий крик – еще более душераздирающий.

– Кто бы это ни был, – тихо произнесла Элиана сдавленным, полным гнева голосом, – они совсем рядом.

– О ком ты говоришь? Что происходит?

– О том, чьей крови напьется сейчас Арабет.

Элиана одарила Харкана улыбкой, хищно сверкнув зубами, и вытащила из ножен, висевших на бедре, Арабет – длинный кинжал с зазубренным лезвием.

– Пришло время поиграть.

Взглянув в последний раз на свое отражение в темном стекле, она выскочила из тени на узкую грязную улочку нижнего Орлина. Харкан окликнул ее, пытаясь остановить, но она не обратила на него внимания. Если бы он захотел ее остановить, то, конечно, мог бы попытаться, но она тут же уложила бы его лицом в грязь.

Наемница усмехнулась. В прошлый раз, когда она проделала этот трюк, то пригвоздила его к постели.

Если честно, она не могла решить, какой вариант сейчас предпочла бы.

Но в то же время ей не хотелось с ним драться. По крайней мере, не во время охоты на похитителя женщин.

Она вступила на территорию Пустошей и теперь бесшумно скользила меж рваными палатками и деревянными хижинами, рядом с которыми тлели угасающие костры. За Пустошами неспешно текла широкая река, берега которой были покрыты гниющим белым мхом.

Когда в десятилетнем возрасте она впервые оказалась в этих трущобах, то чуть не задохнулась от отвратительного запаха. Мать тогда посмотрела на нее очень сердито.

Сейчас, через восемь лет, запах едва ощущался.

Она пристально всматривалась в темноту ночи: вот нищий, обшаривающий карманы лежащего без движения пьяницы, худой парень с напудренным лицом и причудливо уложенными волосами, уговаривающий проходящую мимо женщину зайти в ярко разрисованную дверь.

Раздался еще один крик, на сей раз издали. Кто бы это ни был, они явно направляются к реке.

Неприятное ощущение, ползущее по позвоночнику, усилилось. Она не знала, как это выразить, но, казалось, странная сила обладает разумом и действует по своей собственной воле.

Элиана положила руки на колени и крепко зажмурилась. Под веками плясали цветные пятна. На ветхой деревянной балке рядом с ней явно детской рукой была нарисована женщина в черном одеянии и маске, застывшая в головокружительном прыжке с кинжалом в каждой руке.

Несмотря на отвратительное ощущение, что туманило зрение, Элиана не могла не улыбнуться.

– Эл, ради всех святых, ты что творишь? – Харкан подошел к ней и положил руку ей на плечо. – Что случилось? Ты не пострадала?

– Я? Пострадала? – Она резко сглотнула, прогоняя подступившую тошноту. – Как ты только мог такое подумать об Ужасе Орлина?

Она разбежалась и спрыгнула с верхнего уровня заброшенных верфей на нижний, метров в тридцати внизу. От столкновения с твердой поверхностью она ощутила лишь легкую боль. Через мгновение она снова была на ногах и ринулась вперед. При подобном падении Харкан непременно переломал бы себе ноги – ему потребуется много времени, чтобы спуститься.

Если бы ее брат Реми был здесь, он бы непременно посоветовал ей не демонстрировать столь открыто свои возможности.

– Люди уже начали замечать, – сообщил он ей на днях. – Слышал всякие разговоры в пекарне.

Элиана, перебирающая кинжалы на полу своей спальни, спросила невинным тоном:

– Что еще за разговоры?

– Когда девушка падает с третьего этажа здания, а потом как ни в чем не бывало вскакивает на ноги посреди Садовой площади, это не может пройти незамеченным. Особенно если она носит черный плащ с капюшоном.

Элиана улыбнулась, представив удивленные физиономии ротозеев.

– А что, если я хочу, чтобы меня заметили?

Реми помолчал несколько минут. Потом произнес:

– Хочешь, чтобы люди из Инвиктуса пришли и забрали тебя?

На это ей было нечего сказать. Она подняла глаза и посмотрела на бледное, сморщившееся личико братишки, готового вот-вот заплакать, и почувствовала, как у нее сжимается сердце.

– Прости, – тихо сказала она. – Я веду себя как полная задница.

– Мне все равно, задница ты или нет, – ответил он. – Просто прекрати выпендриваться.

Она знала, что он прав. Но вся проблема в том, что ей нравилось выпендриваться. Если уж ей суждено было родиться странным созданием с телом, которому было нипочем даже самое опасное падение, почему бы не получать от этого удовольствие.

Если она примется развлекаться, пользуясь своей неуязвимостью, у нее не будет времени задаваться вопросом, почему ее тело способно на такие невероятные вещи.

И какие последствия это может вызвать.

В своем диком забеге по докам она шла по следу зла, словно охотник за добычей. На нижнем уровне доков было тихо, летний воздух был неподвижным и влажным. Она забежала за один угол, за второй – и остановилась. Запах и то самое странное, неприятное ощущение были особенно сильны на конце шаткого причала. Она заставила себя пройти вперед, хотя в груди горело и каждая капелька крови в ее венах кричала о том, что ей не следует туда идти.

В длинной изящной лодке, стоящей у конца причала, она заметила две фигуры в дорожной одежде, с лицами, скрытыми масками. Третий человек тащил на руках маленькую девочку со смуглой золотистой кожей, как у Харкана. Девочка отчаянно сопротивлялась, во рту у нее был кляп, руки и лодыжки связаны.

Мятежники из Красной Короны? Вряд ли. Что будут делать повстанцы с украденными детьми? И если именно Красная Корона повинна в похищениях, слухи об этом непременно

но дошли бы до Элианы через осведомителей в подполье.

Возможно, это такие же охотники за головами, как и она сама, но зачем Бессмертной Империи платить за то, что и так легко получить? К тому же их тут целая банда. Так что этот вариант был маловероятен.

Один из людей в лодке протянул руки, чтобы принять девочку. Элиана заметила, что на дне лодки лежат какие-то странные тюки. Она пригляделась – это были другие девочки и женщины, связанные, лежащие без чувств...

В сердце Элианы вскипел гнев.

Она вытащила длинное, тонкое лезвие Свистуна из голенища сапога.

– Куда-то собираетесь, господа? – спросила она и без раздумий бросилась на них.

Человек, стоящий на причале, обернулся как раз тогда, когда она налетела на него. Она крутанулась, заехав сапогом ему под подбородок. Он упал, задыхаясь.

Один из незнакомцев в лодке выскочил на причал. Элиана полоснула его по горлу клинком Арабета и столкнула вслед за подельником.

Девушка развернулась, упиваясь победой, и жестом подозвала похитителя, по-прежнему стоящего в лодке.

– Иди ко мне, дорогой, – ворковала она. – Ты же меня не боишься, правда?

Когда-то она старалась избегать убийств. Впервые она убила человека шесть лет назад, когда ей было двенадцать.

Розен Ферракора, мать Элианы, взяла ее с собой на дело – последнее перед ранением, – и кто-то донес на них. Повстанцы знали, что они придут, и устроили засаду.

Розен уложила двоих, в то время как Элиана пряталась в темноте. Мать всегда говорила ей: *Я буду оберегать тебя от убийства как можно дольше, малышка. А пока просто наблюдай. Учись. Тренируйся. Я научу тебя всему, чему обучил меня мой отец.*

А потом одна из нападавших повалила Розен на землю, и Элиану захлестнул дикий гнев.

Она бросилась на женщину и всадила свой маленький клинок ей в спину. А потом стояла и смотрела, как из задыхающей жертвы вместе с потоком крови уходит жизнь.

Розен схватила Элиану за руку и утащила ее прочь. Дома на кухне ее братишка Реми – ему тогда было пять лет – смотрел на нее широко раскрытыми глазами, когда шок перерос в панику. С руками, запятнанными кровью, она горько рыдала в объятиях матери.

К счастью, с тех пор убийства давались ей куда легче.

Тут из темноты вынырнули еще две фигуры со свертками в руках. Еще девочки? Они швырнули свертки товарищу в лодке, а потом развернулись и бросились на нее. Она ушла от одного удара, второго, а потом ее сильно ударили в живот и по челюсти.

Элиану повело, пространство исказилось, но она тут же постаралась стряхнуть с себя странное наваждение. Боль

мгновенно ушла, как будто ее и не было. Она стремительно развернулась и сразила одного из озверевших негодяев кинжалом. Тот свалился в грязную воду.

А затем на нее накатил приступ тошноты, коварный, как удар под дых. Она упала на колени, отчаянно хватая ртом воздух. На ее плечи навалилась невероятная тяжесть, прижимая к скользкому причалу.

Пять секунд. Десять. Потом тошнота исчезла. Пространство вокруг нее больше не было искажено, по коже не ползли мурашки. Она подняла голову, заставила себя открыть глаза. Лодка уже отплывала от берега.

Охваченная диким гневом, Элиана с трудом поднялась на ноги. Она уже собиралась нырнуть в воду, когда сильная рука обхватила ее за талию и оттащила назад.

– Отпусти меня, – напряженным голосом произнесла она, – или тебе не поздоровится. – Она ткнула Харкана локтем в ребра.

Он выругался, но не выпустил ее.

– Эл, ты сошла с ума? У нас сегодня другое задание.

– Они ее все-таки забрали. – Она наступила ему на ногу, вывернулась из его рук и бросилась к концу причала.

Он побежал за ней, схватил за руку и резко развернул к себе лицом.

– Плевать. Нас для этого никто не нанимал.

Она презрительно улыбнулась.

– И когда это попытки удержать меня доводили тебя до че-

го-то хорошего? Впрочем... – она подалась к нему, ее улыбка смягчилась. – Могу припомнить пару раз, когда так и было...

– Прекрати, Эл. Вспомни-ка, что ты сама неоднократно мне говорила? – Его темные глаза смотрели ей прямо в лицо. – Если нас для этого не нанимали, это нас не касается.

Ее улыбка погасла. Она выдернула руку.

– Они куда-то забирают наших женщин. Почему? Кто они такие? Почему похищают только женщин и девочек? И что это за странное... ощущение? Я никогда ничего подобного не испытывала.

Харкан всем своим видом выражал сомнение.

– Возможно, тебе надо просто выспаться.

Она помолчала, чувствуя, как в душу закрадывается отчаяние.

– Неужели ты ничего не почувствовал?

– Прости, нет.

Она бросила на него свирепый взгляд, пытаясь не обращать внимания на растущее внутри беспокойство.

– В любом случае эта девочка явно не из повстанцев. Она всего лишь ребенок. Зачем им понадобилось забирать ее?

– Какие бы ни были на то причины, это не наша проблема, – повторил Харкан. Он медленно и глубоко вздохнул, возможно, пытаясь убедить в этом самого себя. – Во всяком случае, не сегодняшней ночью. Нам еще предстоит выполнить свою работу.

Элиана долго смотрела на воды реки. Она представляла, как ее лицо превращается в безупречную маску, холодное мраморное изваяние – ни капельки пота, ни шрама. Лишь сдержанная улыбка и взгляд, острый, как кинжалы в ночи. Когда она закончила, гнев погас, и лицо стало спокойным и безразличным, действительно как каменная маска.

Она повернулась к Харкану и дерзко улыбнулась, чего он терпеть не мог.

– Ну что, пойдём? Эти негодяи только раздражили мой аппетит.

* * *

Контрабандист по кличке Перо, помогавший повстанцам из Красной Короны, занимался тем, что тайком вывозил из Орлина людей и секретные сведения. И делал это превосходно. Элиане и Харкану потребовалось несколько недель на то, чтобы выследить его.

И сейчас они затаились на крыше дома над крошечным двориком в Старом квартале, где, как предполагалось, Перо должен был встретиться с группой людей, сочувствующих мятежникам и пытающихся бежать из города. Воздух был напоен сладким запахом роз, растущих вдоль стен.

Она почувствовала, как рядом, насторожившись, пошевелился Харкан.

Элиана наблюдала, как одна за другой во двор проходят

темные фигуры и собираются в углу у стены, увитой ползучими розами. Они явно кого-то ждали.

Вскоре из-за другого угла появился человек в плаще с капюшоном и подошел к ним. Пальцы Элианы сомкнулись на рукояти кинжала, кровь быстрее побежала по жилам.

Облака на ночном небе развеялись, и лунный свет омыл темный дворик.

Сердце Элианы оборвалось.

Перо. Это точно он. Человек в капюшоне слегка прихрамывал – следствие ранения, полученного во время вторжения захватчиков.

И его ждали трое – женщина с тремя маленькими детьми.

Харкан едва слышно выругался. Он указал ей на детишек и сделал характерный знак рукой. Несколько лет назад, когда после увечья, полученного Розен, Элиана стала выходить на охоту одна, они с Харканом разработали специальный язык жестов, чтобы переговариваться без слов. Он настоял на том, что ей не следует охотиться в одиночку, и научился выслеживать и убивать людей – своих же сограждан, чтобы служить Империи, – и все ради нее.

Отбой, просигналил он. Уходим.

Она знала, что он имеет в виду. Дети не входили в число объектов охоты. Одно дело Перо, но сама мысль о том, чтобы предать невинных детишек в руки наместника Орлина... Харкану это было не по душе.

И Элиане, честно говоря, тоже.

Однако у затененного входа во дворик ждали трое повстанцев: спутники и охранники контрабандиста. Времени у наемников не оставалось. К тому же попытки спасти мать с детьми могут обернуться слишком большими рисками. Им с Харканом надо было действовать быстро.

Она покачала головой.

Убери их, просигналила она в ответ.

Харкан слишком громко вздохнул – он был одновременно разъярен и опечален.

Стоявший внизу контрабандист резко поднял голову и посмотрел в их сторону.

Элиана прыгнула с крыши, легко приземлилась, перекадилась и вскочила на ноги.

На секунду она пожалела, что не может сидеть на крыше в качестве зрителя и наблюдать за ходом схватки. Наверное, это выглядит так же прекрасно, как она сейчас себя ощущала.

Перо вытащил кинжал. Мать детишек упала на колени и принялась молить о пощаде. Контрабандист откинул капюшон. Это оказался мужчина средних лет, с красным лицом и умными глазами. Он излучал спокойствие и уверенность и всем своим видом говорил, что предпочтет умереть, чем сдастся.

Через четыре секунды Элиана подсекла его хромую ногу, выбила кинжал из его рук и сильно ударила по голове рукоятью. Он упал и остался лежать на земле.

Она слышала, как Харкан приземлился за ее спиной, а затем раздались быстрые шаги повстанцев, которые ворвались во двор. Общими усилиями они с Харканом уложили их всех. Она резко развернулась и метнула кинжал, который вонзился в деревянную дверь, пригвоздив к ней плащ старшего ребенка.

Остальные дети застыли на месте и громко заплакали.

Их мать с остекленевшими глазами лежала на земле на куче гниющих розовых лепестков. Из ее груди торчал кинжал, который успел вонзиться в нее один из бунтовщиков.

Элиана выдернула его. Что ж, еще один клинок в ее коллекцию. Интересно, почему бунтовщики убили женщину? Чтобы замести следы?

Или из милосердия, которого от имперцев она бы не получила?

– Приведи стражников, – приказала Элиана, обыскивая мать в надежде найти что-либо ценное. Ничего существенного обнаружить не удалось, кроме фигурки императора, сделанной из глины и палочек, которую женщина наверняка хранила на тот случай, если патруль адатроков остановит ее и подвергнет обыску. Черные бусины глаз статуэтки блестели в лунном свете. Элиана отшвырнула идола прочь. Дети зарыдали еще громче.

– Я побуду с ними.

Харкан молча стоял с грустным, усталым выражением на лице, обычно доводившим ее до белого каления, ведь она

знала, что он не терял надежды изменить ее. Сделать ее лучше, такой же доброй, как и раньше.

Она подняла бровь. *Прости, Харкан. Хорошие девочки долго не живут.*

А потом он ушел.

Старший мальчик смотрел на Элиану, прижимая к себе малышкой. В глубине ее души поднималось желание отпустить их, позволить уйти на все четыре стороны. Хоть один раз поступить правильно. Это ни принесет никому вреда, ведь они всего лишь безобидные детишки.

Но дети не умеют держать язык за зубами. И если кто-нибудь узнает, что знаменитая охотница за головами по прозвищу Ужас Орлина, к которой благоволит сам наместник – лорд Аркелион, позволила предателям скрыться...

– Мы боялись, что плохие люди ее тоже заберут, – тихо произнес мальчик. – Вот почему мы хотели уехать.

Плохие люди. По шее Элианы пробежал холодок. Те самые похитители в масках, которых она встретила на причале?

Но мальчик больше ничего не сказал. Он даже не пытался убежать.

Умный мальчик, подумала Элиана.

Он понимал, что далеко ему не уйти. Не уйдешь *ее*.

* * *

На следующий день Элиана стояла на балконе, глядя вниз

на виселицы, установленные в центре площади.

В восточной части площади на троне с высокой резной спинкой в виде распростертых крыльев восседал лорд Аркелион.

Элиана наблюдала за ним, скрестив руки на груди и перенеся вес на одну ногу. Она пыталась не обращать внимания на стоявшую рядом с тронем его светлости высокую фигуру в красно-черной униформе Инвиктуса.

С высоты балкона Элиана не могла точно определить, кто это был, да это и не имело большого значения. От одного только вида знакомой униформы у нее все внутри переворачивалось.

Инвиктус – тайный орден ассасинов, члены которого по приказу Императора проникали во все уголки мира. Они были способны выполнять самые опасные задания, совершать самые кровавые преступления.

И они непременно попытаются завербовать ее, это лишь вопрос времени. Эта мысль преследовала ее каждый день, и Элиана все ждала, когда она перестанет казаться ей столь ужасной.

Пока этого так и не произошло.

Возможно, за ней придет именно Валентин. На протяжении нескольких лет ей доводилось встречаться с ним на некоторых празднествах в замке его светлости. Каждый раз он приглашал ее на танец. И каждый раз, пугаясь холодного взгляда его пустых серых глаз, она хотела отказать ему.

Лучше бы она так и поступала.

– Непобедимая охотница за головами, – проворковал он ей в ухо во время танца на балу прошлым летом. – Надо же, как любопытно... – Он сжал ее руку своими холодными пальцами. – Ты будешь прекрасным дополнением к нашей дружной семье.

Когда Валентин придет за ней, он вряд ли позволит ей попрощаться с близкими, прежде чем переправит ее за море в Селдарию – сердце бессмертной Империи, чтобы представить самому Императору.

Приветствую тебя, Элиана Ферракора, – говорил Император в самых страшных ее снах, и хотя он улыбался, его черные глаза оставались холодными. – *Я о тебе слышан.*

И это будет конец привычной жизни. Она войдет в круг избранных – станет одним из воинов Инвиктуса.

Она, как и Валентин, изменит свою природу, окончательно превратившись в чудовище.

Однако сегодня это вряд ли произойдет. Ее день еще не пришел.

Поэтому Элиана просто наблюдала за происходящим, постукивая пальцами по руке и желая, чтобы его светлость поскорее со всем покончил. Она устала, была голодна, к тому же Харкан был вне себя от стыда и сожаления, и чем дольше они там стояли, тем отчаяннее он ждал от нее того, чего она не могла ему дать.

Раскаяния.

Солдаты императорской стражи провели Перо и старшего сынишку погибшей женщины к виселицам. Место казни соорудили на руинах храма Святой Марзаны, всеми почитаемой повелительницы огня Старого мира – того мира, который существовал до гибели Кровавой Королевы. До восхождения Империи.

Имперские солдаты почти до основания разрушили храм, когда захватили Орлин. Когда-то он состоял из множества увенчанных куполами сооружений, гимназий и святилищ, светлых, открытых речному ветерку дворишков, увитых цветущим плющом. А теперь от него остались лишь несколько разрушенных колон. Статуя святой Марзаны, когда-то стоявшая у входа в храм, была уничтожена. Теперь на этом месте возвышалось изваяние Императора – лицо его было скрыто маской, тело закутано плащом. За его головой развевались черно-алые с золотом знамена.

На площади стояла молчаливая толпа. Граждане Орлина привыкли к казням, но Перо был популярен в некоторых кругах. И даже свирепый лорд Аркелион не часто казнил малолетних детей.

Когда Элиана и Харкан привели к нему захваченных детишек, лорд Аркелион добродушно улыбнулся, заглянул в рот младшим и приказал одной из наложниц увести их. Детишки тянули руки к старшему брату, оглашая тронный зал отчаянными рыданиями, пока дверь за ними не закрылась.

Но старший мальчик не плакал. Он был спокоен и сего-

дня, даже когда увидел, как палач поднимает меч.

– Империя сгорит в аду! – отважно выкрикнул Перо. Его волосы, мокрые от пота, прилипли ко лбу.

Меч опустился. Голова контрабандиста покатилась по плахе. По толпе прошел испуганный ропот.

Только когда в его лицо брызнула алая кровь, мальчик зарыдал.

– Эл, – задыхаясь, произнес Харкан. Он взял руку Элианы в свою, мокрую от пота, потер ее ладонь большим пальцем. Голос его срывался. Он не спал всю ночь.

А вот она спала как убитая. Сон очень важен для наемника. Невозможно охотиться на людей, не выспавшись хорошенько.

– Нам вовсе не обязательно на это смотреть, – сказала она напарнику, призвав все свое терпение. – Мы можем уйти...

Он отпустил ее руку.

– Иди, если хочешь. А я должен на это смотреть.

Снова тот же усталый голос. Он напоминал гончую с грустными глазами, смирившуюся со своей участью в ожидании нового удара хозяина.

Чтобы не огрызнуться на него, Элиана принялась тереть под плащом потертый золотой кулон. Он висел на цепочке на шее, и она никогда его не снимала. Ей была знакома каждая деталь, каждая царапина на нем. Изгиб шеи коня. Искусно вырезанные крылья. Очертания сидящей на нем фигуры с поднятым мечом в руке. Лицо всадника потемнело

и стерлось. Наверное, это Одрик Светоносный. Один из павших королей Старого мира, которыми по совершенно непонятным для нее причинам был одержим ее младший брат. Родители сказали ей, что нашли это украшение на улице, когда она была еще совсем крошкой, и как-то ночью дали ей, чтобы успокоить ее плач. Она носила кулон с тех самых пор, как себя помнила. Но вовсе не из любви к Одрику Светоносному. Ей не было никакого дела до мертвых королей.

Она носила его, потому что иногда лишь знакомый вес кулона на шее приносил ей утешение и не давал сорваться.

– Я тоже останусь, – небрежно бросила она Харкану. Возможно, слишком небрежно. – Мне некуда спешить.

Он не произнес ни слова упрека. Палач занес меч. В последний момент ребенок вскинул руку в характерном приветствии – сначала прижав ее к сердцу, а потом вытянув вверх. Это был знак повстанцев, приверженцев Красной короны. Рука его тряслась, но он смотрел на солнце твердым взглядом.

Мальчик начал произносить слова молитвы Солнечной Королеве.

– Пусть свет Королевы приведет меня ...

Меч опустился.

К удивлению Элианы, на глаза ее навернулись слезы. Она сморгнула их, прежде чем они покатались по щекам. Потрясенный Харкан закрыл рот рукой.

– Боже, помоги нам, – прошептал он. – Эл, что мы делаем?

Она схватила его за руку и развернула к себе.

– Пытаемся выжить, – произнесла она. – И в этом нет ничего постыдного.

Она несколько раз судорожно сглотнула. Челюсть у нее болела. Изображать скуку и безразличие было тяжело, но кто сказал, что на войне легко? И если она покажет свое смятение, Харкан мгновенно сорвется.

Наместник поднял руку.

Толпящиеся на площади люди теперь нараспев произносили слова, которые постоянно крутились в голове Элианы, словно стервятники.

– Слава Империи. Слава Империи. Слава Империи.

Глава 3

Риэль

«После падения Сандерленда Семеро Святых вернулись на материк, но и там они не знали отдыха. Их люди в течение многих десятилетий пребывали в состоянии войны и жаждали найти безопасное место, которое могли бы назвать своим домом. И тогда святые начали с родины Кейтелл и использовали свою силу, чтобы создать в горной долине настоящий рай. Защищенный высокими вершинами гор, окруженный зеленеющими лесами и просторами полей, этот рай был назван Ам-де-ля-Терр – Душа Земли, – и стал столицей Селдарии. Этот королевский город был возведен у подножия самой высокой горы возле кристально чистого озера, казавшегося частичкой ясного неба».
«Краткая история Второй Эпохи, Том I: Последствия Ангельских войн» Даниэля Риверета и Жаннет д'Арамбо Из Первой гильдии ученых

На площадке, откуда должны были начаться скачки, царил хаос.

Некоторые всадники пришли соревноваться во славу своих храмов. Те, что представляли Храм Огня, где служил Тал, были облачены в алые и золотые одеяния. Черный и темно-синий были цветами Храма Ночи, который возглавляла Слоан, сестра Тала. Коричневый и светло-зеленый цвета но-

силы служители Храма Земли.

Знатные селдарские дома также прислали своих представителей. Мимо Риэль проехали всадники в сиреневых и серо-зеленых одеяниях – цветах дома Риверетов, красно-коричневый и серебристо-серый цвета принадлежали дому Совилье. Здесь были даже всадники, приехавшие из дальних королевств Вентеры и Аставара, расположенных за Великим океаном.

Многие всадники, так же, как и Риэль, были наняты купцами, жаждущими получить объявленный денежный приз – хотя ни один из них не был так богат, как их с Одриком наниматель Одо Ларош.

И никто из участников не имел такого преимущества, как они, – с самого детства, едва только смогли сидеть в седле, они тренировались под руководством лучших королевских наездников.

Усмехаясь, Риэль повела свою кобылу среди лабиринта зрительских лож. В ушах звенело от шума – игроки выкрикивали свои ставки, дети носились среди толпы и визжали от восторга. Дым от жарящегося на углях мяса, которое продавалось разносчиками тут же, на ломтях свежего хлеба, и уже почерневших тушек дичи на вертелах щипал ей глаза.

Наконец она добралась до палатки, отведенной для всадников, представлявших Одо Лароша. На ней было ее любимое платье – изумрудно-зеленое, под цвет ее глаз, с вышитыми переливчатыми виноградными лозами по подолу, стрело-

видным глубоким декольте, открывающим ключицы, – однако жаркое полуденное солнце вызвало у нее непреодолимое желание поскорее сорвать его с себя. Оставив лошадь на попечение стражников, стоявших у дверей, она проскользнула внутрь, чтобы переодеться.

И замерла.

Одрик был уже там, облаченный лишь в штаны для верховой езды и сапоги. Его тонкая изумрудная туника и вышитая куртка аккуратно свисали со спинки стула. В руках он держал простую льняную рубашку для верховой езды.

При виде ее он расплылся в улыбке.

– Ты что-то задержалась, – сказал он и бросил ей рубашку.

Она схватила ее, едва не выронив.

– Народу везде оказалось больше, чем я ожидала, – сказала она, сама удивившись, что смогла вымолвить хоть слово, так сильно у нее пересохло во рту от внезапно охватившего ее волнения.

Слишком много прошло времени с тех пор, как она видела наследного принца своего королевства полуобнаженным.

Когда-то это никого из них не смущало, ведь они росли вместе. Они часами играли в саду за замком – она, Одрик и Людивин, вместе плавали в озере на краю города, вместе участвовали в обрядах омовения в Купели – Храме Воды.

Но то было раньше.

Еще до обручения Одрика и Людивин, до соглашения, еще более тесно связавшего дома Курвери и Совилье. До то-

го, как ее застенчивый, неуклюжий друг детства превратился в великолепного принца Одрика Светоносного, самого могущественного солнечного мага за многие столетия.

До того, как Риэль поняла, что влюблена в Одрика. И что он никогда не будет принадлежать ей.

Она с восторгом упивалась его видом – стройной мускулистой фигурой, сильными руками, широкой грудью, узкой талией. Он был не таким смуглым, как его отец, и не таким белокожим, как мать-королева. Темно-каштановые кудри, влажные от пота, небрежно обрамляли его лицо. Пятна солнечного света, проникавшего сквозь сетку палатки, омывали его кожу сиянием золота.

Когда он поднял на нее глаза, она вспыхнула, смущенная теплом его взгляда.

– С Лю все в порядке? – спросил он.

– Разумеется. И она наслаждается всеобщим вниманием, я уверена. А как твоя мать?

– Я сказал ей, что позабочусь о Лю и что она должна успокоиться и получать удовольствие от скачек. – Он сокрушенно покачал головой. – А ведь она считает меня послушным сыном...

– А ты, вместо этого, украдкой пробираешься на скачки, чтобы рисковать жизнью и конечностями. – Риэль одарила его лукавой улыбкой. – Но это ложь во спасение. Она бы с ума сошла от беспокойства, если бы знала, где ты сейчас на самом деле находишься.

Одрик рассмеялся.

– Маме не помешало бы время от времени испытывать волнение. В противном случае ей становится скучно, а когда ей становится скучно, она начинает совать нос в мою жизнь и в результате донимает меня и Лю.

Вопросом, когда же мы, наконец, поженимся. Этих слов он не произнес, но они напрашивались настолько очевидно, что Риэль больше не смогла смотреть на него.

Она шагнула за ширму, предоставленную Одо, расстегнула платье и выскользнула из него. Одета лишь в короткую сорочку, она потянулась за брюками, которые Одрик перебросил ей через край ширмы.

– Если бы я так хорошо тебя не знала, – сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал беззаботно, – я бы сказала, что это речи бунтаря. Я-то всегда думала, ты не из тех, кто нарушает правила.

Он снова засмеялся.

– Это ты пробуждаешь во мне бунтарский дух.

Только сейчас она начала понимать, насколько негодной была идея разделить с ним палатку. Ей следовало попросить Одо предоставить ей отдельное помещение для переодевания. Раздеваться в пяти шагах от Одрика – это оказалось настолько сладким, восхитительным безумием, и она никак не была к этому готова.

Боже, помоги ей! Она отчетливо слышала, как шелковая ткань туники скользила по его коже. Она почти ощущала это,

словно он был рядом и сам стягивал ей платье через голову, освобождая от последнего барьера между ними.

Пытаясь натянуть на себя черную тунику и проклиная себя и свое чрезмерно живое воображение, она запуталась пальцами в завязках объемного вышитого воротника.

– Риэль? – раздался над ухом голос Одрика. – Поторопись, они начали объявлять участников скачек.

Риэль вся извертелась и издергалась, пытаясь справиться со своей одеждой.

С другой стороны ширмы открылся полог палатки.

– Гонка уже вот-вот начинается, а моих двух всадников нигде не найти, – раздался приятный баритон Одо, лишь с легким намеком на раздражение. – Могу ли я напомнить вам, что рискую довольно-таки приличным количеством монет, которые поставил на вас обоих, а также своей собственной головой. Надеюсь, вам хватит ума, чтобы не быть разоблаченными, или того хуже, чтобы не сломать себе шею?

– Мы сейчас идем, – крикнула Риэль. – Разве я когда-нибудь давала тебе повод сомневаться во мне?

– На самом деле неоднократно, – ответил Одо. И добавил после паузы: – Мне перечислить все эти случаи?

– Еще минутку, пожалуйста, Одо, – сказал Одрик со смехом в голосе.

Полог закрылся.

– Можно мне подойти к тебе? – спросил Одрик.

– Да, только... погоди. – Риэль удалось сильным рывком

освободиться из плена коварной тунки и она, наконец, натянула ее на себя, расправляя золотые ленты по вороту. – Да, все в порядке, я готова.

Из-за ширмы показался Одрик с ее кожаной курткой для скачек и шапочкой в руках.

– Неужели мы действительно собираемся ввязаться в эту опасную для жизни авантюру, и при этом нервничаешь ты, а не я?

– Неважно, что ты пытался увильнуть от этого уже с десятков раз. – Риэль выхватила шапочку из его рук. – Неважно, что ты до сих пор не нарушил ни единого правила в своей жизни.

– Зато какое многообещающее начало, даже слишком смелое для дебюта непослушания, ты согласна? – Он придвинулся ближе, чтобы помочь ей застегнуть пуговицу на спине. Его пальцы задели ей затылок. – Я имею в виду, что мог бы начать свой мятеж с чего-нибудь попроще. Опоздать утром ко двору, например, пропустить молитвы, переспать со служанкой...

Она расхохоталась, но ее смех прозвучал резче, чем ей бы хотелось.

– Ты? Переспать со служанкой? Да ты ничего не смыслишь в обращении с женщинами.

– Это ты так думаешь.

– Я не могу в это поверить.

– Неужели ты считаешь, что я настолько безнадежен?

– Для начала тебе придется хотя бы время от времени отрываться от своих книг.

– Леди Риэль, – сказал он, поддразнивая ее, – уж не собираетесь ли вы обучать меня искусству соблазнения?

Риэль замерла. В повисшей между ними невыносимой тишине она почувствовала, как напрягся Одрик, стоявший позади нее. Румянец начал медленно разливаться по ее щекам. Зачем она вообще позволила втянуть себя в разговор именно на эту щекотливую тему? Ведь она вообще ничего не знала об отношениях с мужчинами.

Ее отец позаботился об этом.

Однажды, когда ей было тринадцать лет, Риэль вернулась домой после того, как долго наблюдала за пятнадцатилетним Одриком, который упражнялся с мечом во дворе казармы. Она была невероятно возбуждена, и все ее чувства рвались наружу.

Ее отец с помощником нещадно гоняли принца в тот день. Магистр Гиллори сидела рядом и давала советы, когда полагала нужным. Будучи Великим Магистром Дома Света, эта свирепая старуха руководила обучением Одрика солнечной магии на протяжении многих лет. Она и отец Риэль помогали принцу овладеть его ошеломляющей силой и направить ее на простую работу с мечом.

Риэль неоднократно наблюдала за тренировками Одрика, но на этот раз все было совсем иначе. С того дня она никак не могла выбросить его из головы – его тонкую, сильную

фигуру, залитую ярким дневным светом, ровные уверенные движения, сосредоточенно нахмуренные брови, стремительно рассекающий воздух меч, рассеивающий солнечные лучи по его золотистой, блестящей от пота коже. В тот вечер после ужина она принесла отцу его обычный напиток и была так погружена в свои волнующие воспоминания, что уронила чашку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.